

Брат Вэнь говорил мне, что он из тех, кто не может умереть до конца. Стоит ему закрыть глаза, как через несколько лет, в один прекрасный день, он снова выползает из Врат Неявленности.

Помню, в 1921 году, в Цинмин, в Тяньцзине лил сильный дождь. Он в одиннадцатый раз вышел из Врат Неявленности, весь в крови. Я поспешил его встретить и, не сдержавшись, задал вопрос.

Я спросил: к чему такие муки? Раз уж ушёл, зачем непременно возвращаться к жизни? Неужели есть кто-то, кого ты не можешь отпустить?

С ним и впрямь было так же трудно ужиться, как гласила молва. Он даже не удостоил меня ответом — развернулся и пошёл прочь. И лишь спустя долгое время обернулся и спросил, есть ли у меня что-нибудь поесть.

Уже позже, роюсь в старых книгах, я узнал: род Судей — это чистота и ясность, беспристрастность и непредвзятость. Они совершенствуются в искусстве быть без уз, без помех, без земных оков. Вопрос, что я задал в тот день, был глупой фантазией, навеянной книжными побасенками.

В этом году, в сезон Гуюй, я снова провожал его своими руками. Сжёл два таза ритуальных денег, возжёл семь благовонных палочек. Он ничуть не изменился, выглядел точь-в-точь как в тот день, когда я встречал его много лет назад.

На задней горе распустились три ветки белой сливы. Кто знает, сколько лет ему удастся спокойно проспать на этот раз.

25 апреля 1995 года, проливной дождь.

Шэнь Цяо, Сиань.

— Двадцать пять лет.

— Что? — невольно повысил голос водитель.

В этом году в Цинмин на Нинчжоу тоже обрушился ливень. Когда такси выехало с горы Цзянцзюньшань, уже стемнело. Дорожное радио в энный раз напоминало: «Дорога скользкая из-за дождя, будьте внимательны», но водитель всё равно то и дело поглядывал на пассажира на заднем сиденье.

Ему попались два странных клиента: старик и ребёнок.

Мальчик был очень худой, на вид ему было от силы лет шесть-семь, но одет он был в непомерно просторную футболку. Кажется, он где-то упал — с головы до ног мокрый, наполовину от дождя, наполовину в грязи. Перед тем как посадить его в машину, водитель достал большое полотенце, но мальчик даже не сказал спасибо.

Точнее говоря, он вообще не произносил ни слова, пока вдруг не обронил эту фразу. Голос его, низкий и холодный, без малейшей детской нотки, совсем не походил на голос ребёнка.

Водитель заподозрил, что ему послышалось, и не удержался, чтобы не переспросить:

— Малыш, это ты сейчас говорил?

Мальчик молчал, лишь смотрел на него. Его глаза отражались в зеркале заднего вида, зрачки казались огромными и чёрными.

Водитель добавил:

— Радио сейчас громко играло, дядя не расслышал. Что-то про двадцать пять или пять лет.

Мальчик по-прежнему не издавал ни звука.

Водитель нервно хмыкнул:

— Малыш?

Из малыша будто весь воздух выпустили.

Сидевший рядом старик, наконец, не выдержал и с улыбкой сказал:

— Это он мне отвечал.

Водитель от этого забеспокоился ещё больше.

— А вы разве тоже что-то говорили? Мне кажется, после поездки в горы у меня со слухом что-то не так.

— Нет, — ответил старик, покручивая старинный перстень на указательном пальце. Сухая подушечка пальца потирала выгравированные на нём два иероглифа — «Шэнь Цяо». — Сейчас не говорил. Спрашивал раньше.

— А-а, — протянул водитель.

Он и не догадывался, насколько далёким было это «раньше», иначе вряд ли смог бы так

спокойно протянуть «а-а».

Про гору Цзянцзюньшань ходило много слухов, и обычно никто не хотел сюда ездить. Но в последнее время с заказами было туго, поэтому, когда в приложении «Диди» появился вызов, он, недолго думая, принял его, о чём тут же пожалел.

Здесь не было фонарей, лишь тускло поблёскивали светоотражатели на ограждениях. Дождь лил как из ведра, тени деревьев по обе стороны дороги извивались и колыхались, словно спутанные, свисающие пряди волос.

Стоило бросить случайный взгляд в зеркало заднего вида, как лица двух пассажиров казались бледными, точно бумага.

Водитель твердил про себя: «Это всё воображение, воображение...», но всё равно чувствовал, как по спине бегут мурашки. Он попытался развеять напряжение болтовнёй, но от этого становилось только страшнее...

Он спросил старика на заднем сиденье:

— В такую-то погоду, как вас в горы занесло? Отсюда машину вызвать очень трудно.

Старик с добрым и благодушным лицом посмотрел на мальчика рядом с собой и сказал:

— Да, трудно. Но ничего не поделаешь, мне нужно было его встретить.

— ...А-а, — снова протянул водитель.

Он не решился спросить, почему ребёнок ждал кого-то в горах, и лишь сказал:

— Ну и ливень. В последнее время похолодало, мальчику в такой одежде не холодно? Может, включить отопление?

Старик всё так же улыбался и покачал головой:

— Он не замёрзнет.

— ...А-а, — в третий раз протянул водитель.

«Не замёрзнет» и «не холодно», должно быть, одно и то же. Так он подумал, но на лбу уже выступил пот.

Он неловко вытер руки о штаны, снова взглянул в зеркало и с напускной бодростью произнёс:

— А мальчик-то у вас какой красивый! Сразу видно, будущий красавец. И кожа белая...

Белая до синевы.

— ...Сколько ему? Уже, наверное, в школу ходит?

Мальчик, до этого сидевший понурился, наконец не выдержал. Он поднял лицо, несколько секунд смотрел на водителя в зеркале, и тут у него в животе заурчало.

Мокрые капли стекали с кончиков его чёрных как смоль волос. Он облизнул пересохшие губы и сказал:

— Поезжайте быстрее, я голоден.

Голос был точь-в-точь как у юноши — холодный и низкий.

Водитель, неведь что себе вообразив, обомлел от ужаса и до конца поездки больше не проронил ни слова.

Никто не знает, как машина добралась до «Поместий Минхуа», но сорокапятиминутная поездка заняла меньше получаса.

«Минхуа» был первым элитным посёлком в Нинчжоу, в своё время очень популярным, потому что рядом планировали построить тематический парк и природный заповедник. Но кто бы мог подумать, что через три года строительство парка забросят, а заповедник так и останется на бумаге. «Минхуа» постигла та же участь: из предмета ажиотажа и всеобщей борьбы он превратился в заброшенный, никому не нужный уголок.

Дорогой — да. Пустынный — тоже да.

Обычно жители пользовались северными воротами, но старик попросил остановить у западных и вышел первым.

Водитель за рулём был уже никакой. Будь он хоть немного в себе, он бы высунул голову и заметил, какими странными были движения старика. Каждый жест его был каким-то прерывистым, локти он всегда держал высоко, словно его дёргали за невидимые нити.

Старик неловко упёр зонт в плечо, освободил руку и извлёк из кармана листок серебряной фольги. Он поднёс огонь.

Фольга мгновенно съёжилась, превращаясь в тонкий пепел. Искры затрепетали, и в их свете смутно проступили два иероглифа — Вэнь Ши.

Только после этого старик помахал рукой тем, кто остался в машине:

— Через эти ворота можно идти.

Когда Вэнь Ши вышел из машины, он уже не был ребёнком. Теперь он выглядел как юноша лет пятнадцати-шестнадцати. Слишком просторная одежда теперь сидела на нём почти впору, лишь штанины были длинноваты.

Не обращая на это внимания, он взял зонт с плеча старика. Чёрный купол наклонился, защищая от косо́го холодного дождя. Вэнь Ши кивнул подбородком в сторону старика:

— Я не помню дорогу. Веди.

Он в двенадцатый раз выходил из Врат Неявленности, и каждый раз ему нужен был проводник.

Шэнь Цяо встречал его дважды. В прошлый раз Шэнь Цяо было всего восемнадцать, он был одет в шёлковый жилет-магуа и щегольскую шапочку-дыньку. С порога он назвал его «брат Вэнь», а потом задал свой дурацкий вопрос.

В этот раз Шэнь Цяо выглядел как его дед, и называть его «братом Вэнь» при посторонних было уже не с руки — можно было ненароком кого-нибудь до смерти напугать.

Впрочем, водитель и так был напуган до полусмерти.

Когда они проходили через ворота, с северо-восточного угла посёлка донеслись звуки со́ны.

Говорят, нет такого человека, которого не проводит в последний путь сона. Эти звуки привели таксиста в чувство. Он вдавил педаль газа, и машина, превратившись в дождевой мгле в размытый силуэт, в мгновение ока исчезла.

Вэнь Ши отвёл взгляд от того места и снова облизнул губы. За эти несколько минут он успел ещё подрасти, и теперь штанины, прежде собиравшиеся складками у лодыжек, натянулись в струну. Он уже был молодым мужчиной.

— Ты и вправду голоден? — спросил Шэнь Цяо.

— А ты как думаешь?

— Жаль, — тихо вздохнул старик.

— Почему?

— В этот раз тебе придётся самому искать себе пропитание.

Вэнь Ши следовал за ним, огибая цветник и двигаясь по тропинке на восток. Он не успел спросить, в чём дело, как услышал оглушительный шум соны и барабанов.

Дождь не унимался, воздух был тяжёлым и влажным, но в нём всё равно улавливался тонкий запах пепла от благовоний и ритуальных денег. Обычный человек не заметил бы разницы, но Вэнь Ши мог — этот запах был ему знаком. Это был запах семьи Шэнь.

— Я нашёл себе преемника, — Шэнь Цяо взглянул на виллу впереди. — Сам вырастил, почти как меня когда-то. Ему в этом году восемнадцать. Кроме того, что трусоват, во всём хорош.

Вэнь Ши промолчал.

Но потом не сдержался:

— Ты привёл труса, чтобы он занимался этим?

Шэнь Цяо тоже не сдержался:

— Когда я его растил, откуда мне было знать, что он таким трусом вырастет?

— Ну ты молодец, — сказал Вэнь Ши.

— Благодарю.

Вэнь Ши молчал.

«Вот только жаль, что Шэнь Цяо теперь стар, и бить его нехорошо», — с мрачным видом подумал он.

Шэнь Цяо снова взглянул на виллу и, увидев юношу в траурной одежде, вышедшего из дверей, наконец, успокоился.

Он отвесил Вэнь Ши глубокий поклон на старинный манер и сказал:

— Брат Вэнь, для Шэнь Цяо было счастьем знать тебя столько лет. Теперь я ухожу, береги себя.

Подумав, он добавил:

— И поскорее обрети освобождение.

Сказав это, его сгорбленное, старческое тело обмякло и осело на землю. Седовласый старик исчез, на земле осталась лишь его одежда, а из ворота рубашки виднелось несколько тонких веточек белой сливы, перевязанных белой хлопковой нитью. Их тут же намочил дождь.

Звучит сона, а дикие деревья не ведают о весне.

На мгновение Вэнь Ши потерялся во времени. Он вдруг осознал, что проспал очень, очень много лет...

Держа зонт, он прикрыл нитяной узелок с ветками сливы от косого дождя, нагнулся, чтобы поднять одежду, и молча стоял так довольно долго. Лишь услышав приближающиеся шаги, он поднял глаза.

Пришёл тот самый юноша в траурной одежде. Судя по возрасту, это и был преемник, о котором говорил Шэнь Цяо.

Характер у Вэнь Ши был не из лучших, и за все эти годы он так и не научился любезничать с незнакомцами. Держа в руках одежду, он свысока смотрел на этого парнишку, который был почти на голову ниже него, и молчал, демонстративно не начиная разговор. Про себя он уже успел дать ему прозвище — «Коротышка».

Коротышка остановился перед ним. Они долго стояли и таращились друг на друга, пока до него, наконец, не дошло, что если он не заговорит первым, они так и простоят до завтра.

— Я знаю, кто ты, — сказал Коротышка.

— О.

— Дедушка сказал, что теперь я его преемник, и мы будем жить вместе, — добавил он.

— Угу.

— Но у меня нет денег.

Услышав это, Вэнь Ши наконец-то проявил более живую реакцию. Он был немного шокирован.

За прошедшие годы он оставил Шэнь Цяо немало ценных вещей. Конечно, речь шла не о золоте, серебре, драгоценностях или антиквариате, а о чём-то ином, что имело ценность лишь в их кругу.

Подобно тому, как для духовных чиновников важны ритуальные деньги из фольги, а для

небесных чиновников — благоволия и подношения, для земных вершителей судеб ценностью обладали духовные предметы, обретенные за заслуги. Их было великое множество: от духовной энергии, собранной в небесных чертогах и храмах Будды, до тёмной энергии, изъятой у нечисти и злых духов. Предметы эти были как осязаемыми, так и нет, и в двух словах о них не расскажешь.

Так или иначе, за все свои жизни и смерти Вэнь Ши накопил немало и всё оставил Шэнь Цяо. Любую из этих вещей можно было обменять в особых местах на целое состояние. Как же так вышло, что денег не осталось?

— Невозможно, — наконец произнёс Вэнь Ши целую фразу. — Шэнь Цяо не сказал тебе, что я оставил кое-что?

— Сказал. Весь подвал был забит, всё разложено по разным сосудам, аккуратно расставлено, — Коротышка замолчал на несколько секунд. — Но теперь всё пусто.

— В каком смысле?

Коротышка помолчал мгновение и ответил:

— Потому что в этом роду никого не осталось.

Он и сам до сих пор не до конца понимал, что за дело ему досталось. Он знал лишь, что Шэнь Цяо вырастил его, и он был готов сделать всё, о чём тот попросит.

Чтобы хоть что-то понять, он часто читал старые книги, что хранились в доме. В одной из них было сказано: «Всё сущее непостоянно, всякая скверна есть страдание, а живые существа полны злого духа. Но изредка появляются те, кто несёт в себе великую чистоту и ясность, — их и называют Судьями».

Иными словами, все живые существа страдают, у них слишком много привязанностей, и каждый в той или иной мере несёт в себе злобу, ненависть, зависть. Если посмотреть издали, они окутаны грязным туманом, и чем он гуще, тем больше несчастий происходит.

Судьи — это те, кого призывают, чтобы избавить мир от этих несчастий. Разумеется, такой человек сам должен быть воплощением чистоты и ясности.

Шэнь Цяо всегда говорил, что он чист. Но кроме чистоты, он, чёрт возьми, ничего не умел, не мог попасть в списки и продолжить род.

Так называемые Судьи, начиная с самого первого патриарха, породили множество талантливых последователей. Со временем род разделился на множество ветвей и течений, которые, отдалившись друг от друга, постепенно утратили всякую связь.

Ученики и последователи одного рода не считаются чужими.

Поэтому...

— Как только дедушка ушёл, эта ветвь рода прервалась, — Коротышка понурил голову, выглядя совершенно подавленным.

Старая поговорка «ушёл человек — и чай остыл» как нельзя лучше описывала положение дел у этих духовных, небесных чиновников и Судей. Стоит роду прерваться, как эта нить обрывается, и все накопленные духовные сокровища рассеиваются без следа.

Вэнь Ши переварил сказанное, и у него тут же разболелась голова.

А Коротышка, не обладая ни малейшей долей такта, после своего упаднического заявления ещё и спросил:

— А у тебя есть другие деньги?

— Нет, — с ледяным лицом ответил Вэнь Ши.

Он столько раз умирал, откуда, чёрт возьми, им взяться?

— Я так и думал, — вздохнул Коротышка. — Похоже, жить нам теперь придётся несладко.

Услышав это, Вэнь Ши почувствовал раздражение.

Всё остальное — ерунда, но отсутствие денег вызывало у него тревогу. Ему уже расхотелось жить.

Коротышка, должно быть, заметил его настроение. Поразмыслив, он добавил:

— Э-э... чтобы немного снизить финансовое давление, я выставил две пустые комнаты в интернет.

Вэнь Ши, будучи человеком, который умер очень давно, не понял, что значит «выставил в интернет», и вопросительно хмыкнул.

Коротышка потряс своим телефоном и объяснил:

— Сдавать в аренду.